

Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность¹

М. Л. Давыдова

Волгоградский государственный университет

Университетский проспект, 100, 400062, Волгоград, Россия. E-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

В статье рассматриваются требования, соблюдение которых необходимо для упрощения текста закона и повышения его доступности. Основное внимание уделяется правилам использования контекстных и общепринятых сокращений, которые позволяют существенно сократить объем закона, избавить его от лишних повторов и сделать более понятным. Приводятся примеры непоследовательного использования законодателем приемов контекстного сокращения, а также примеры текстов, в которых уместно было бы использование сокращений и даже аббревиатур. Делается вывод о том, что эффективность технико-юридических правил возможна только при условии их разумности и обязательности их соблюдения. Доказывается, что проблема сложности современного русского юридического языка нуждается в целенаправленной государственной политике, охватывающей реформу как правил законотворческой техники, так и самой законодательной процедуры. В качестве инструментов, позволяющих оценить эффективность этих правил и поддержать их действие, предлагается установление обязательной автоматической проверки законопроектов на предмет синтаксической сложности, а также привлечение фокус-групп для оценки уровня читабельности текстов и понятности используемых в нем терминов и сокращений.

Ключевые слова: юридическая техника, язык права, юридический термин, правила юридической техники, доступность права, простой язык.

Linguistic Rules of Legal Technique: Reasonableness, Obligation, Efficiency

M. L. Davydova

Volgograd State University

100 University pr., 400062, Volgograd, Russia. E-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

The article discusses the requirements that are necessary to simplify the text of the law and increase its intelligibility. The main attention is paid to the rules for the use of contextual and generally accepted abbreviations, because they can significantly reduce the volume of the law, save it unnecessary repetitions and make it more understandable. Examples of inconsistent use of contextual abbreviations by the legislator are given, as well as examples of texts in which it would be appropriate to use abbreviations. It is concluded that the effectiveness of technical legal rules is possible only if they are reasonable and obligatory to comply to. It is proved that the problem of the complexity of the modern Russian legal language needs a planned state policy, covering the reform of both the rules of legislative technique and the legislative procedure itself. As tools to assess the effectiveness of these rules and support their observance, it is proposed to establish a mandatory automatic check of bills for syntactic complexity, as well as to involve focus groups to assess the level of readability of texts and the comprehensibility of the terms and abbreviations used in them. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

Key words: legal technique, language of law, legal term, rules of legal technique, intelligibility of law, plain language.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Повышение эффективности правового регулирования является одним из значимых приоритетов современной правотворческой политики. Осмыслению этой проблемы посвящена, в частности, популярная в зарубежной правотворческой практике концепция умного регулирования [Давыдова 2020: 35; Gunningham 2017: 134], направленная на разработку средств, позволяющих достичь наибольшего регулятивного эффекта с наименьшими затратами – материальными, организационными, временными и т. п.

Одним из важных требований умного регулирования является повышение доступности права, ведь без доведения содержания правовых велений до адресата совершенствование иных средств правового воздействия просто теряет смысл.

Требование доступности права включает как наличие возможности ознакомиться с текстами нормативных актов, так и возможность адекватно воспринять содержание акта, понять суть изложенных в нем велений.

Инструментами, направленными на повышение доступности в первом ее значении, являются электронное опубликование, размещение в открытом доступе, кодификация, систематизация нормативных актов. Второй аспект связан преимущественно с качеством юридического языка, которое зависит в числе прочего от эффективности языковых правил юридической техники.

В данной статье мы рассмотрим некоторые из таких правил с точки зрения предъявляемых к ним требований разумности и обязательности, которые, в свою очередь, представляются важнейшими условиями эффективности. Основное внимание будет уделено правилам, направленным на снижение избыточной сложности языка законодательных актов.

Важно отметить, что речь идет именно об избыточной сложности текста, т. е. не обусловленной достаточными объективными причинами, связанными с содержанием правового акта и спецификой юридического языка. Данная оговорка существенна, потому что проблема сложности нормативно-правового текста традиционно рассматривается в нескольких контекстах.

Один из таких контекстов связан с возможными пределами упрощения юридического языка. Есть мнение, что абсолютная доступность, понятность юридического текста в принципе недостижима. Н. Д. Голев использует в этой связи понятие агнонии («агномим» – малоизвестное слово, незнакомое большинству говорящих на данном языке) как фундаментального свойства понимания специализированных слов и текстов [Голев 2007: 99].

Другой аспект проблемы связан с потенциальными адресатами текста, определяющими уровень его сложности. Должен ли закон быть написан языком, понятным любому человеку, или ориентирован он, прежде всего, на специалистов? Если в первом случае подразумевается вопрос «возможно ли упрощение юридического языка?» (не теряем ли в точности и юридической грамотности формулировок, если увлекаемся переводом «с юридического на человеческий?»), то во втором ставится вопрос «нужно ли такое упрощение?» (точнее, на кого именно должны быть ориентированы усилия по упрощению текста?).

Начавшееся в 70-х годах XX века движение за «простой английский» (Plain English) [Уильямс 2012: 191-204] фактически дало ответы на эти вопросы. Многочисленными исследованиями подтверждается тот факт, что отказ от старомодных словесных конструкций, использование прямого порядка слов, сокращение длины предложения, увеличение количества глаголов позитивно отражаются не только на уровне понимания текста обычными людьми, но и повышают эффективность работы профессиональных юристов [Plain English 2021]. Множество практических руководств по законопроектной деятельности, размещенных на официальных сайтах зарубежных государственных органов [OPC's Guide 2016; PCO Plain Language; Principles of Clear Writing], дают конкретные рекомендации по совершенствованию лексического и синтаксического состава юридических текстов. Другими словами: в упрощении текстов заинтересованы все, и методики такого упрощения (пусть и не абсолютного) существуют.

Некоторые попытки движения в этом направлении предпринимаются и в России. Однако пока они недостаточно последовательны. Так, принятые в 2013 году Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти [Методические рекомендации (2) 2013] содержат ряд конкретных советов по повышению доступности правовых актов, включая оценку целевой аудитории, грамотное структурирование текста, корректировку синтаксических конструкций и лексического состава текста и пр. При этом язык самого документа явно свидетельствует о приверженности его авторов традиционному канцелярскому стилю. Яркой иллюстрацией этого является следующая рекомендация: «...сокращение использования отглагольных существительных», подтверждающая, что сами составители текста от отглагольных существительных отказаться не готовы.

В целом для российского законодательства сегодня характерна прямо противоположная тенденция – постоянное повышение уровня языковой сложности текстов нормативно-правовых актов. Эмпирически очевидная, данная тенденция подтверждается и специальными исследованиями. Сразу два таких исследования были проведены в последние годы специалистами Высшей школы экономики (Москва) [Оценка сложности 2020] и Европейского университета (Санкт-Петербург) [Кучаков 2018; Савельев 2020].

С использованием различной методологии авторы обоих проектов математически доказывают, что рост индекса синтаксической сложности современных законов существенно превышает нормальный для русского языка уровень. В частности, каждый следующий созыв Государственной Думы РФ принимает законы, синтаксически более сложные, чем ранее [Оценка сложности 2020: 17]. При внесении в закон изменений его последующая редакция всегда оказывается сложнее первоначальной [Оценка сложности 2020: 21; Кучаков 2018: 8]. Существенно возрастает общий объем текста и средняя длина предложения. Аналогичные тенденции в целом прослеживаются в актах других федеральных органов власти и в региональном законодательстве [Кучаков 2018: 11, 14].

Исследователи подчеркивают, что тенденция эта не соответствует процессам, происходящим не только в языках других стран (в 37 языках разных стран отмечено снижение показателей сложности), но и в русском языке (в частности, в текстах СМИ) [Кучаков 2018: 9]. Не может она объясняться и тематикой законопроектов: на вершине рейтинга самых нечитабельных законов [Оценка сложности 2020: 15] оказываются акты, посвященные мерам социальной поддержки различных категорий граждан, пенсионному обеспечению, защите детей-сирот и другим вполне «народным», а не узкопрофессиональным вопросам.

Критерии оценки текстов в приведенных исследованиях различаются, хотя и перекликаются друг с другом в значительной степени.

В исследовании ВШЭ в качестве критериев учитывалось количество глаголов в предложении, количество слов в предложении и абзаце, расстояние между зависимыми словами, количество причастных оборотов и количество слов в субстантивных именных словосочетаниях [Оценка сложности 2020: 11].

Не останавливаясь на каждом из приведенных критериев, отметим лишь последний из них. Этот критерий (длина субстантивных именных словосочетаний) занимает второе по значимости место в удельном весе итогового показателя сложности текста (16 %). Речь идет о словосочетаниях с существительным в качестве главного слова. Именно такими словосочетаниями представлены в нормативных актах многочисленные сложносоставные термины: «органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации» (11 слов), «персонифицированная карта для посещения спортивного соревнования» (6 слов), «участники оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» (8 слов), «уведомление о приостановлении или возобновлении использования основного технологического оборудования для производства этилового спирта или алкогольной продукции с использованием этилового спирта» (20 слов).

Исследование Европейского университета строится на оценке двух критериев: лексического разнообразия и расстояния между зависимыми словами в предложении [Кучаков 2018: 8]. Нетрудно заметить, что упомянутая выше длина субстантивных именных словосочетаний имеет непосредственное отношение к обоим этим критериям. Повторение одних и тех же терминов в предложении – типичная проблема официально-делового стиля. Чем длиннее оказываются повторяющиеся терминологические цепочки, тем ниже лексическое разнообразие текста и больше расстояние между зависимыми словами в предложении.

Ко всему прочему многократно повторяемые многословные термины связаны с еще одной острой проблемой современного российского законодательства – растущим объемом правовых актов в целом и их структурных единиц.

Учитывая сказанное, именно проблеме многословных юридических терминов следует уделить внимание в контексте совершенствования языковых правил юридической техники. Причем правила, на которых хотелось бы остановиться, касаются не самого способа создания таких громоздких и тяжеловесных терминов – сложившийся бюрократический стиль корректировать достаточно сложно (подтверждением тому служит приведенный выше документ, авторам которого не удалось написать простым языком даже рекомендации по упрощению языка).

Более реалистичным и эффективным представляется использование контекстных сокращений, которые позволяют минимизировать негативное влияние длинных терминов на уровень читабельности текста.

Разработанные аппаратом Государственной Думы РФ методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов [Методические рекомендации 2021] каких-либо требований к употреблению юридических терминов в тексте закона не содержат. В отличие от них методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов [Методические рекомендации (1) 2013: 11] включают следующее положение: «В случае, если в тексте законопроекта используются длинные и громоздкие наименования органов, организаций, объектов, лиц, нередко применяется способ контекстного сокращения, то есть при первом употреблении дается полное наименование, а в скобках приводится сокращенная форма». Заметим, что фраза «нередко применяется» звучит не как правило и даже не как рекомендация. Скорее это просто описание одного из возможных приемов изложения текста закона.

Именно так, как факультативный прием, его и воспринимает законодатель. Проблема, однако, не столько в том, что потенциал контекстных сокращений по упрощению текста закона не используется в достаточной мере. Гораздо важнее тот факт, что какая-либо последовательность, логика в использовании данного приема полностью отсутствует.

Рассмотрим для примера Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды». Принятый в 2002 году, этот закон 58 раз претерпевал изменения.

Первоначальная редакция закона содержала в основном короткие термины-словосочетания («естественная экологическая система», «природный комплекс», «оценка воздействия на окружающую среду», «вред окружающей среде», «экологический риск» и т. п.). Многословных понятий в тексте закона было немного, и для них использовались сокращения: «нормативы предельно допустимых концентраций химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и микроорганизмов (далее также – нормативы предельно допустимых концентраций)» (краткий вариант термина употребляется в тексте закона 5 раз).

В более поздних редакциях закона появились и другие термины, содержащие в скобках альтернативное наименование.

Так, Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит определение понятия «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)», а также статьи, использующие данное понятие. Можно было бы предположить, что краткий вариант «экологическая информация» аналогичен по смыслу

более объемному «информация о состоянии окружающей среды» и может использоваться в тексте закона в качестве сокращения. Однако далее мы 10 раз встречаем использование всей конструкции целиком: «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)».

В этом же тексте введенное Федеральным законом от 21.11.2011 № 331-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» понятие «государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды)», именно в таком виде (с синонимичным названием, указанным в скобках) упоминается в статьях закона 31 раз.

Стоит заметить, что полностью от контекстных сокращений в данном нормативном акте законодатель не отказывается. К примеру, в 2013 году (Федеральный закон от 23.07.2013 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации») в списке основных понятий появился термин «вещества, разрушающие озоновый слой (далее – озоноразрушающие вещества)». Далее по тексту во всех 15 случаях использования этого понятия оно употребляется в сокращенном варианте.

Но не стоит думать, что разгадка логики законодателя заключается в слове «далее», прямо указывающем на введение сокращенного наименования понятия. В абсолютно аналогичном случае термин «требования в области охраны окружающей среды (далее также – природоохранные требования)» в сокращенном виде не используется в законе ни разу. При этом вариант «требования в области охраны окружающей среды» (без сокращения) употребляется 37 раз.

Все приведенные примеры свидетельствуют о крайней степени непоследовательности и небрежности, проявляемых в процессе создания текста закона. Разработчики «забывают» не только о возможности использовать контекстные сокращения, но и о тех сокращениях, которые уже внедрены в структуру нормативного акта. В результате вместо того, чтобы упростить текст, засоряют его лишними словесными конструкциями.

Необязательность правила об использовании контекстных сокращений не только снижает его эффективность, но и вносит дополнительную путаницу в текст. При этом устанавливать его в виде императивного требования, вероятно, нет необходимости. Даже сформулированное как прямая рекомендация (без указания на обязательность) это правило существенно повысило бы свою эффективность.

Формальными основаниями для введения сокращения могли бы быть длина терминологической цепочки (например, больше 6-7 слов) и частота использования ее в тексте (например, при упоминании термина более 10 раз). Безусловно, закрепление конкретных параметров нуждается в научном, в том числе экспериментальном обосновании.

Второй аспект рассматриваемой проблемы связан с разумностью технико-юридических правил, касающихся возможности использования сокращений в тексте закона.

Упомянувшиеся выше методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов устанавливают на этот счет более четкое правило: «Сложносокращенные слова и аббревиатуры не рекомендуются использовать в законодательных актах» [Методические рекомендации (1) 2013: 10]. В качестве пояснения приводится аргумент о том, что со временем такие слова могут устаревать и при отсутствии указания на их полную форму оказываться непонятными читателю. Вполне убедительный, этот аргумент легко снимается возможностью разместить полную расшифровку сокращения при первом его упоминании в тексте. С другой стороны, полный отказ от аббревиатур – даже общепринятых и максимально распространенных – не позволяет использовать существенный ресурс сокращения и упрощения законодательного текста.

Самый простой пример: словосочетание «Российская Федерация». При анализе лексического разнообразия законодательных текстов оно оказывается одним из наиболее часто повторяемых [Кучаков 2018: 9]. При этом аббревиатура «РФ» общепринята, но никогда не используется в целях сокращения официальных текстов.

Так, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» содержит 65 статей, в которых выражение «Российской Федерации» употребляется 2 265 раз, что составляет 4 530 слов. Если в порядке эксперимента заменить эти слова аббревиатурой (в каждом случае вместо 20 печатных знаков будет использовано 2), то объем текста сократится на 40 770 зн. Учитывая, что общий объем текста данного закона составляет примерно 357 000 зн., полученная «лексическая экономия» составит около 11 % текста (при распечатке это 98 и 88 страниц соответственно). Сам текст при этом только выиграет, т. к. предложения станут короче, а бесконечные повторы будут меньше отвлекать от понимания его смысла. Никаких проблем с ясностью, точностью, единообразным толкованием формулировок так же возникнуть не может, т. к. смысл аббревиатуры в сочетаниях «субъект РФ», «законодательство РФ», «Федеральное Собрание РФ» всем понятен и толкуется однозначно.

Возможно, кто-то увидит в использовании сокращения неуважение к названию государства. Но при столь осязаемом повышении качества текста стоит задуматься: не будет ли проявлением большего уважения к государству забота о доступности его законов?

Еще один пример уместного сокращения связан с употреблением в законодательстве излишне громоздкой конструкции «информационно-телекоммуникационная сеть "Интернет"».

В настоящее время Академический орфографический словарь [Научно-информационный] допускает написание слова «интернет» со строчной буквы и без кавычек. Это слово давно прижилось в русском языке и не нуждается в пояснениях. При этом законодатель, помимо кавычек и заглавной буквы, неизменно напоминает, что «Интернет»

представляет собой сеть, и к тому же информационно-телекоммуникационную. К примеру, Федеральный закон от 30.04.2021 № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О рекламе"» содержит всего 2 300 слов. Выражение «в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» употребляется в его тексте 43 раза, что в пересчете на печатные знаки составляет 9 % от общего объема текста. В основном рассматриваемая конструкция повторяется в каждом предложении по три раза, иногда и чаще. Так, п. 3 ст. 3.10 содержит предписание длиной в 156 слов, 28 из которых приходятся на семикратное (!) повторение упомянутой конструкции. Это 18 % всего текста статьи! Замена этой конструкции на общеупотребимое слово «интернет» не только приводит к существенному (почти на 1/5) уменьшению объема текста, но и повышает его понятность, читабельность.

Таким образом, эффективность технико-юридических правил достижима при условии их разумности, а также обязательности исполнения. Разумность при этом должна оцениваться с учетом направленности правила на достижение цели.

Так, языковые правила в первую очередь должны обеспечить, чтобы воля законодателя без искажений дошла до адресата. Следовательно, запрет сокращений разумен ровно настолько, насколько он обеспечивает однозначность формулировок и возможность их единообразного толкования. Если соблюдение этого запрета на определенном этапе приводит к избыточному усложнению текста, возрастанию его объема, засорению многочисленными повторами, то процесс толкования неизбежно становится более проблематичным, а риски интерпретационных ошибок возрастают. Разумно, в этой связи, ослабить такой запрет, допустив сокращения там, где смысл текста не искажается, а словесная экономия позволяет сделать его более прозрачным.

Что касается обязательности подобных правил, далеко не всегда для ее поддержания необходимы конкретные санкции. Прямо сформулированные в методических рекомендациях, инструкциях, руководствах для разработчиков правовых актов, такие правила соблюдаются под воздействием авторитета установившего их субъекта или в силу административного либо корпоративного влияния (когда невыполнение рекомендаций, хоть и не влечет конкретного наказания, но может восприниматься как некачественное осуществление работником своих обязанностей). Еще один механизм обеспечения обязательности правил юридической техники связан с наличием доктринальной традиции, укрепившейся в профессиональной среде. На самом деле для правил и средств юридической техники именно такой механизм играет важнейшую роль [Давыдова 2012: 157]. Сфера профессионального мастерства в первую очередь держится на инструментари, выработанном и принятом профессиональным сообществом. Это правила, знакомые каждому юристу со студенческой скамьи и поэтому часто не нуждающиеся в дополнительной формализации и легитимации.

Прибегать к другим, помимо доктрины, средствам легитимации правил юридической техники имеет смысл в двух случаях: если принятые профессиональным сообществом правила устарели и нуждаются в корректировке (именно на такую корректировку старомодного законодательного стиля направлено движение Plain English), либо если авторитета доктрины оказывается недостаточно для обеспечения должного качества юридических текстов. Подобная ситуация, как было показано выше, имеет место в современной российской правотворческой практике, что и наводит на мысль о целесообразности формализации некоторых правил законодательной техники.

И последнее. Одним из ключевых требований умного регулирования является постоянная оценка и апробация используемых средств с точки зрения наиболее эффективного достижения цели. Недостаточно установить правила, необходимо постоянно отслеживать, приводит ли их действие к требуемому результату. Применительно к оценке эффективности языковых правил юридической техники, направленных на снижение уровня сложности законодательного текста, возможно использование следующих инструментов.

1. Автоматическая проверка всех законопроектов с помощью компьютерной программы, определяющей уровень синтаксической сложности текста. Примеры возможных алгоритмов такой проверки изложены в приведенных выше исследованиях [Оценка сложности 2020; Савельев 2020]. В случае превышения предельно допустимых показателей проект должен возвращаться разработчику для соответствующей корректировки. Эта проверка, естественно, будет носить формальный характер, т. к. качество изложения содержания правовых норм таким способом оценить невозможно. В то же время она позволит охватить весь массив законопроектов без существенных изменений в законодательной процедуре. Кроме того, установление подобной «электронной экспертизы» как обязательной поставит разработчиков перед необходимостью признать уровень сложности текста значимым показателем качества своей работы.

2. Содержательная оценка текста на предмет доступности его изложения может проводиться с привлечением фокус-групп или использованием других методов законодательной социологии [Martínez 2022; Белов 2019]. В отличие от «электронной экспертизы» такая оценка не может проводиться в отношении всех законопроектов. Во-первых, она требует больше ресурсов (временных, организационных, человеческих и пр.). Во-вторых, выносить профессиональные вопросы на суд общественности не всегда рационально. С другой стороны, в конкретной ситуации обращение к фокус-группе позволит оценить, насколько удачно подобран термин, уместно ли введение сокращения, понятна ли используемая аббревиатура. Оценить разумность правил составления текста на основе методов вычислительной лингвистики невозможно. Здесь нужно обращение к людям: профессиональным экспертам или обычным пользователям закона.

Проблема увеличения объема законодательного массива и растущей сложности современного русского юридического языка не может быть решена без целенаправленной государственной политики. Такая политика должна затрагивать как правила законотворческой техники, так и законодательную процедуру. Последняя должна

быть организована таким образом, чтобы побудить тех, кто пишет закон, взглянуть на него глазами тех, кто его читает.

Литература

- Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. - 2019. - Т. 1. - № 15. - С. 56-103.
- Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика. - 2007. - № 8. - С. 92-104.
- Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / Журнал российского права. - 2020. - № 11. - С. 14-29.
- Давыдова М. Л. Нормативность юридической техники: к вопросу о механизме действия правотворческих правил и средств / Юридическая техника. - 2012. - № 6. - С. 154-158.
- Кучаков Р., Савельев Д. Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Под редакцией Д. Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам право- применения»). СПб, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf
- Методические рекомендации (1) по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYltzqb3hwMEF.pdf>
- Методические рекомендации (2) по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-ПЗ6-89пр)
- Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (утв. Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) (редакция 2021 г.)
- Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://orfo.ruslang.ru/>
- Оценка сложности языка законов (Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке). М., 2020. URL: <https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20z%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf>
- Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 1. - С. 50-74.
- Уильямс К. Юридический английский и простой английский: изменения и дополнения / Юрислингвистика. - 2012. - № 1 (12). - С. 191-204.
- Gunningham N., Sinclair D. Smart regulation. In Drahos P, editor, Regulatory Theory: Foundations and applications. Canberra, Australia. 2017. Pp. 133-148.
- Martínez E., Mollica F., Gibson E. Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language / Cognition. - Vol. 224. - 2022. 105070, ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027722000580>
- OPC's Guide to Reducing Complexity in Legislation. The Office of Parliamentary Counsel. Australian Government. June, 2016. URL: https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf
- PCO Plain Language Standard. Parliamentary Counsel Office. New Zealand. URL: [https://www.pco.govt.nz/clear-drafting/Plain-English-and-the-Law-the-1987-Report-Republished-\(html\)-The-importance-of-plain-English/](https://www.pco.govt.nz/clear-drafting/Plain-English-and-the-Law-the-1987-Report-Republished-(html)-The-importance-of-plain-English/)
- The importance of plain English / The Victorian Law Reform Commission (the official site) Posted on July 14, 2021. URL: <https://www.lawreform.vic.gov.au/publication/plain-english-and-the-law-the-1987-report-republished/5-the-importance-of-plain-english/>
- Principles of Clear Writing. Office of the Federal Register. The U.S. National Archives and Records Administration URL: <https://www.archives.gov/federal-register/write/legal-docs/clear-writing.html>.

References

- Assessment of the complexity of the language of laws (Analysis of existing legal, technical and linguistic approaches to the development of draft legislative acts, development of proposals for their adjustment) (2020). Moscow. Available from: <https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20z%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (in Russian).
- Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). Language of legal documents: difficulties of understanding. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research, 1, 15, 56-103 (in Russian).
- Davydova, M. L. (2012). Normativity of legal technique: on the question of the mechanism of action of law-making rules and means. Legal technique, 6, 154-158 (in Russian).
- Davydova, M. L. (2020). "Smart regulation" as a basis for improving modern lawmaking. Journal of Russian Law, 11, 14-29 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Linguistic dead ends of legal technique. Legal Linguistics, 8, 92-104 (in Russian).

- Guidelines (1) on the linguistic expertise of draft laws (2013). Moscow. Available from: <http://duma.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYltzqb3hwMEF.pdf> (in Russian).
- Guidelines (2) for the implementation of the principles of openness in federal executive bodies (approved by the protocol of the Government Commission for Coordinating the Activities of Open Government 26.12.2013 N AM-П36-89пп) (in Russian).
- Guidelines for the legal and technical execution of draft laws (approved by the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation) (2021) (in Russian).
- Gunningham, N., Sinclair, D. (2017). Smart regulation. In Drahos P, editor, *Regulatory Theory: Foundations and applications*. Canberra, Australia, 133-148.
- Kuchakov, R., Savel'ev, D. (2018). Complexity of Legal Acts in Russia: Lexical and Syntactic Quality of Texts. (Series "Analytical Notes on the Problems of Law Enforcement"). St. Petersburg. Available from: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf (in Russian).
- Martínez, E., Mollica, F., Gibson, E. (2022). Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language. *Cognition*, 224, 105070, ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070>. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027722000580>
- OPC's Guide to Reducing Complexity in Legislation. The Office of Parliamentary Counsel. Australian Government. June, 2016. Available from: https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf
- PCO Plain Language Standard. Parliamentary Counsel Office. New Zealand. Available from: <https://www.pco.govt.nz/clear-drafting/>
- Plain English and the Law: the 1987 Report Republished (html) The importance of plain English. The Victorian Law Reform Commission (the official site) Posted on July 14, 2021. Available from: <https://www.lawreform.vic.gov.au/publication/plain-english-and-the-law-the-1987-report-republished/5-the-importance-of-plain-english/>
- Principles of Clear Writing. Office of the Federal Register. The U.S. National Archives and Records Administration. Available from: <https://www.archives.gov/federal-register/write/legal-docs/clear-writing.html>
- Savel'ev, D.A. (2020). Study of the complexity of sentences that make up the texts of legal acts of the authorities of the Russian Federation. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 50–74 (in Russian).
- Scientific and informational "Spelling Academic Resource ACADEMOS" of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS. Available from: <https://orfo.ruslang.ru/> (in Russian).
- Williams, C. (2012). Legal English and Plain English: Changes and additions. *Legal Linguistics*, 1 (12), 191-204 (in Russian).

Citation:

Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 49-55.

Davydova M. L. (2023). Linguistic Rules of Legal Technique: Reasonableness, Obligation, Efficiency. *Legal Linguistics*, 27, 49–55.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License